

М. ГОРЬКИЙ О СУЛЕРЖИЦКОМ

<Л. А. Сулержицкий>

Растут города, и постепенно утолщается слой "чернорабочих культуры" -- вольнонаемных, ремесленных и других людей, всячески "служащих" благоустройству, уюту и украшению буржуазной жизни. Это -- довольно мощный экономически, пестрый, совершенно неорганизованный слой, бессильный создать какую-либо свою идеологию, это -- сотни тысяч людей, чья энергия поглощается социальными условиями современности наименее продуктивно.

Но все чаще на этой почве рождаются какие-то удивительно талантливые люди, свидетельствуя о ее силе и духовном здоровье.

Вот, например, недавно умер режиссер Московского Художественного театра Леопольд Антонович Сулержицкий, человек исключительно одаренный, человек, родившийся "праздновать бытие". О нем необходимо рассказать, ибо его жизнь -- яркое горение силы недюжинной, его история способна утвердить веру в творческую мощь городской демократии, мощь, которой так трудно развиваться и которая, развиваясь, обогащает среду, социально чуждую.

Леопольд Сулержицкий, или Сулер, как прозвал его Л. Н. Толстой, -- сын киевского переплетчика; он родился в подвале, воспитывался на улице.

-- Улица -- это лучшая академия из всех существующих, -- рассказывал он с веселым юмором, одним из его ценных качеств, которые помогали ему легко преодолевать "огни, воды и медные трубы". -- Много дает улица, если умеешь брать. Бесстрашию пред жизнью меня учили воробьи...

Он заразительно смеялся, коренастый, сильный, с прекрасными живыми глазами на овальном лице в рамке темной окладистой бородки.

-- Хорошо орлу ширять в пустоте небес -- там никого нет, кроме орлов. Нет, а ты поживи, попрыгай воробьем по мостовой улицы, где вокруг тебя двигаются чудовища, -- лошадь, которая в десять тысяч раз больше тебя, человек, одна ступня которого может раздавить пяток подобных тебе. И гром, и шум, и собаки, и кошки -- вся жизнь огромна, подавляет. Я всегда с удивлением смотрел на этих крошечных храбрецов, -- как они весело живут в страшном хаосе жизни! И я уверен, что именно от них воспринято мною упрямство в борьбе за себя, за то, что я любил...

Сам Сулер менее всего походил на воробья, он напоминал какую-то другую, свободолюбивую птицу хорошего лета, -- такой подвижный, независимый, окрыленный страстью к жизни.

-- Конечно, меня били, переплетчик я был скверный. Но кого из нашего брата не бьют? Это ничему не мешает, ничему и не учит. Спасибо, что, не изувечив, внушили отвращение к насилию.

Двенадцати лет Сулер начал рисовать, ему особенно удавались птицы, впоследствии он рисовал их, как японец. Окончив с трудом городское Училище, он поступил в Московскую школу живописи и ваяния или в Училище графа Строганова -- не помню. Жил, конечно, впроголодь, писал вывески, давал репортерские заметки в "Московский листок" Пастухова; на Пасхе, на святках и масленой пел в хорах балаганов Девичьего поля. А через шесть лет он работает с В. Васнецовым и Врубелем по росписи собора в Киеве. Кажется, в это время он встретил известного "толстовца" Евгения Попова, одного из наиболее искренних великомучеников идеи "непротивления злу", -- с него писал Касаткин свою картину "Осужденный". Анархизм Толстого сразу увлекает Сулера, -- кстати, мне кажется, что анархизм наиболее легко приемлется именно демократами вышеназванного слоя, "чернорабочими культуры", которым пока еще чужда стройная идеология рабочего класса; анархизм наиболее отвечает неопределенности экономической позиции этих групп, слишком разобщенных для того, чтобы выработать более устойчивое и действенное отношение к социальной драме современности.

Но Сулер был прежде всего человеком дела, он тотчас же бросает работу живописца, едет в одну из деревень Каневского уезда и там, занимаясь огородничеством, открыто пропагандирует среди крестьян учение Толстого, сотнями распространяя его запрещенные сочинения. Когда каневский исправник ловит его, Сулер скрывается в соседний уезд, а когда каневские власти, успокоенные исчезновением крамольника, забудут о нем, он снова возвращается к своим овощам и циклостилю. У него была лодка, и он возил овощи по Днепру в Киев, где на вырученные деньги запасался бумагой для фабрикаций гектографированных брошюр, которые он печатал отлично.